

К. П. КОСМАЧЕВ

географическая ЭКСПЕРТИЗА

методологические
аспекты

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

К. П. КОСМАЧЕВ

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

(методологические аспекты)

Ответственный редактор
канд. геогр. наук *М. К. Бандман*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск · 1981

Космачев К. П. Географическая экспертиза (методологические аспекты) — Новосибирск: Наука, 1981.

В книге обосновывается необходимость развития нового направления исследований — географической экспертизы. Раскрывается важность экспертизы систем понятий территориальной организации производства с целью приведения их в соответствие с накопленным опытом хозяйственного освоения конкретных территорий. Предлагается ряд подходов, необходимых для достижения данной цели (специальная классификация понятий, особые приемы анализа формирования их систем и др.). Приведены примеры экспертизы определенных классов понятий, позволяющих судить об эффективности предлагаемых методов. Определяются пути дальнейшего укрепления методологических основ географической экспертизы, призванной сыграть важную роль в оптимизации хозяйственного освоения Сибири.

Работа рассчитана на научных работников — экономистов и географов.

ВВЕДЕНИЕ

В ходе научно-технической революции заметно усилилась зависимость роста объема производства и его эффективности от обеспеченности информацией и ее качества. При этом улучшение качества информации приобретает особую актуальность, поскольку «центр тяжести плановых разработок все более перемещается в сторону качественных показателей» [Брежнев, 1976, с. 6]. Достижение этой цели во многом зависит от разработки методов контроля и организации вневедомственной экспертизы, на что обращалось специальное внимание на XXIV съезде КПСС.

Экспертиза прежде всего «необходима для анализа, планирования и прогнозирования развития сложных систем с преобладанием качественных неформализуемых характеристик, для определения количества и качества информации, необходимой для принятия решения, выработки, оценки и выбора альтернатив» [Афанасьев, 1976, с. 5]. В состав названных сложных систем входят специфические территориальные (пространственные) системы, формирующиеся в процессе взаимодействия природы и общества. Географы рассматривают эти системы в качестве основных интегральных объектов исследования. Соответственно географической экспертизой может быть названо научное направление, специализирующееся на проверке объективности отражения в тех или иных решениях закономерностей развития интегральных систем типа «население — хозяйство — природа» с целью определения путей повышения эффективности территориальной организации производства, включая вопросы рационального использования пространственных сочетаний ресурсов и охраны окружающей среды.

Для достижения данной цели первостепенное значение имеет проверка объективности и полноты отражения в используемой информации пространственно-временного своеобразия развития региональных систем названного типа. Иначе говоря, речь идет об экспертизе *качества информации, используемой для отражения хода природных и социально-экономических процессов в пределах конкретных территорий*, т. е. о решении проблемы «ее истолкования применительно к местным условиям», важ-

ность которой получила международное признание [см.: Айзард и др., 1976, с. 136].

Принято считать, что «качество информационных ресурсов определяется адекватностью даваемого ими отображения действительности, возможностями их использования в практической деятельности» [Математика и кибернетика в экономике, 1975, с. 154]. Из данного определения вытекает, что в улучшении качества информационных ресурсов в силу сложности и многогранности проблемы должны принимать участие представители разных специальностей, в том числе и географы. В задачу последних, в частности, входит проверка объективности отображения в используемой информации пространственного своеобразия хода природных и социально-экономических процессов в пределах тех или иных территорий. Географы к выполнению этой задачи профессионально вполне подготовлены, поскольку они (и прежде всего представители экономической географии, с позиций которой велись обобщаемые в настоящей работе исследования) специализируются на проведении так называемых «территориальных работ». В основе их, по мнению Н. Н. Колосовского, лежит «выяснение следующих вопросов: а) общая оценка роли экономико-географического положения данной территории и ее ресурсов; б) в какой степени и в каких частях хозяйство данной территории отличается от тех требований комплексности и всестороннего использования местных производительных сил, какие предъявляются к экономическому району; в) в какой мере данная территория сможет выполнять основные задания по ведущим отраслям хозяйства, составляющим его специализацию в общегосударственном масштабе; г) какова внутренняя структура и внутренние связи данной территории и как должны быть изменены границы данной территории для получения завершеного (в производственном смысле), но не замкнутого, а специализированного экономического района...» [Колосовский, 1969, с. 260].

Из сказанного вытекает, что географы обычно имеют дело с так называемой *пространственной информацией*, которая «указывает на пространственное распределение элементов и свойств и на соотношение между элементами, находящимися в различных местах» [Германсен, 1976, с. 196]. Соответственно, проверка качества пространственной информации, или, по терминологии других авторов, «информации о местности» [Преображенский, 1972, с. 147], должна рассматриваться в качестве основной задачи географической экспертизы. В результате ее проведения будет повышаться точность привязки тех или иных решений по территориальной организации производства «к земле», к тому конкретному географическому пространству, в пределах которого намечается их осуществление. Тогда в принимаемых решениях с большой полнотой будет отражаться своеобразие местных природных и социально-экономических условий, учет

специфики которых, по образному выражению В. И. Ленина, «является основой разумной работы» [Ленин, т. 33, с. 327]. В осуществлении этого ленинского положения, получившего дальнейшее развитие в докладе Л. И. Брежнева на XXIV съезде КПСС [Материалы XXIV съезда КПСС, 1971, с. 67], географическая экспертиза призвана играть первостепенную роль. Экспертизой, имеющей по существу (а не по названию) сугубо географический характер, в том или ином виде занимаются практически все специалисты, участвующие в решении проблем территориальной организации производства (географы, экономисты, социологи и др.). Большинство из них периодически, а некоторые подчас и регулярно используют свои специальные знания для проверки и улучшения качества пространственной информации. Особо остро ощущают потребность в географической экспертизе специалисты по районной планировке, занятые территориальным проектированием. По данным Е. Н. Перцика, «общий объем представляющей интерес текстовой информации на входе в районную планировку составляет, вероятно, около 50 тыс. печатных листов» [Перцик, 1973, с. 63]. Если в этом огромном массиве весьма разнородной исходной информации о районе вовремя не обнаружить дефекты, будет «нанесен потенциальный ущерб, исчисляемый тем большими размерами, чем значительней объект проектирования и исследования» [Перцик, 1973, с. 28].

В улучшении пространственной информации, по мнению академика В. Б. Сочавы, важную роль должны играть специально создаваемые «Бюро географического анализа», призванные «осуществлять по заказу *географические экспертизы* (курсив наш. — К. К.), производить различные полевые изыскания с определенными производственными целями» [Сочава, 1966, с. 8].

К сожалению, данное предложение осталось до сих пор практически не реализованным. Между тем в настоящее время потребность в географической экспертизе резко возросла в связи с решением проблем развития территориально-производственных комплексов, осуществлением и подготовкой сложнейших программ, нацеленных на переустройство природы и хозяйства на огромных территориях. К их числу относится создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, хозяйственное освоение зоны Байкало-Амурской магистрали, переброска стока северных рек в южные районы страны и др.

Яркий пример значения экспертизы «в борьбе за Байкал» привел в своих мемуарах академик М. А. Лаврентьев. В частности, в разделе «Охрана природы и наука» он отмечал: «Еще недавно многие ученые могли бы сказать так: «Заниматься экспертизами, вмешиваться в работу проектных и строительных организаций — не дело Академии наук. Это область инженерии». Сегодня мы понимаем, что большие народнохозяйственные зада-

чи тесно переплелись с большими и техническими и научными задачами» [Лаврентьев, 1980, с. 209].

Сказанное подтверждает необходимость ускоренного развития географической экспертизы. По нашему мнению, оно должно идти по двум тесно связанным между собой направлениям. Первое из них, получившее наибольшее распространение, можно назвать «традиционным». Суть его заключается в использовании географами при экспертизах специальных знаний, полученных в вузах и в процессе практической работы.

Второе направление мы условно называем «методологическим». Целесообразность его выделения объясняется тем, что, по нашему глубокому убеждению, ни о каком сколько-нибудь значительном развитии географической экспертизы не может быть и речи, если под него не будет подведен надлежащий теоретический фундамент.

Известно, что в отличие от традиционно понимаемой экспертизы — изучения экспертами каких-либо вопросов, решение которых требует специальных познаний, направления, связанные с разработкой методологии экспертиз, обычно называют *экспертологией*. Например, широко известна «экспертология судебная — отрасль советской юридической науки, которая изучает закономерности, методологию и процесс формирования и развития научных основ судебных экспертиз, а также исследует их объекты» [БСЭ, 3-е изд., т. 30, с. 8].

По аналогии правомерно ставить вопрос о необходимости развития *экспертологии географической*. На исследовании относящихся к ней проблем мы и намечаем сосредоточить внимание в предлагаемой работе. В соответствии с такой целевой установкой был проведен специальный поиск публикаций, непосредственно освещающих теоретические проблемы географической экспертизы. Он показал, что таких работ практически нет, во всяком случае мы их не обнаружили.

В результате автору потребовалось принять участие в решении чрезвычайно ответственной задачи по определению отправного пункта (своеобразного «краеугольного камня») в построении теории географической экспертизы. Проведенные в указанном направлении исследования позволили установить, что при традиционном ведении экспертизы, как правило, остаются должным образом не раскрытыми некоторые важные причины появления дефектов пространственной информации. В результате ошибки повторяются. Происходит это, по нашему мнению, главным образом из-за неразработанности методов ведения экспертизы. Придя к такому выводу, мы решили сосредоточить внимание прежде всего на разработке приемов проверки понятийной базы территориальной организации производительных сил с позиции оценки пригодности этой базы для принятия дифференцированных в региональном разрезе решений. Это обусловлено тем, что системы понятий, используемых при обоснова-

нии тех или иных решений, «выполняют роль исходного логического каркаса, задающего границы предмета изучения и принципиальную схему его расчленения» [Блауберг, Юдин, 1973, с. 181]. Искажение данного каркаса неминуемо ведет к снижению качества пространственной информации, поскольку понятия выполняют функции своеобразных «информационных фондов» [Математика и кибернетика..., 1975, с. 135]. Принимался во внимание также и тот факт, что «сформировавшееся понятие становится «меркой рассматриваемого явления, а явление признается истинным постольку, поскольку оно соответствует понятию» [Философская энциклопедия, т. IV, с. 315].

Все это говорит о том, что географической экспертизе прежде всего надо подвергать системы понятий, на основе которых осуществляется информационная подготовка решений, с целью проверки, насколько точно данные (системы) отражают совокупность существенных региональных признаков развития сложных территориальных систем. В результате такой проверки уровень соответствия используемых систем понятий объективным природно-экономическим условиям районов, по которым принимаются решения, может быть существенно повышен, что в свою очередь приведет к росту достоверности используемой информации. При этом могут быть также созданы дополнительные предпосылки для уточнения (прежде всего пространственно-временного) терминологии, что имеет особо большое научное и практическое значение, поскольку «неясность терминологии так же опасна, как туман для мореплавателя, и она тем более опасна, что ее почти никогда не осознают» [Лотте, 1968, с. 7].

В свете изложенного для развития теории географической экспертизы, на наш взгляд, первостепенное значение имеет разработка следующих взаимосвязанных проблем:

I. Определение дефектов понятийной базы территориальной организации производства на основе разработанной классификации понятий. Классификация выдвигается на первый план потому, что в результате ее проведения могут быть определены типичные недостатки пространственной информации, а также намечены пути устранения причин их появления.

II. Выявление прогрешностей в информационной подготовке, связанных с недоучетом взаимосвязей (взаимопереходов) понятий, на которые она (подготовка) опирается.

III. Поиск путей развития методов географической экспертизы на основе обобщения результатов, полученных при исследовании предыдущих проблем.

Освещению каждой из названных проблем в предлагаемой работе отводится отдельная глава. Между собой они тесно связаны. Так, в главах 2 и 3 рассматриваются возможности разработки приемов экспертизы, необходимые для устранения причин появления типичных дефектов пространственной ин-

формации, выявленных в общих чертах, на основе предлагаемой классификации (гл. 1).

В настоящей книге рассматриваются далеко не все даже главнейшие аспекты становления методологии географической экспертизы, а только та их часть, которая, по мнению автора, особо необходима для создания ее каркаса.

На выбор проблем, безусловно, большое влияние оказал накопленный автором опыт изучения хозяйственного освоения пионерных районов, ход которого во многом зависит от обеспеченности пространственной информацией и ее качества. Этим и объясняется, что в книге акцентируется внимание на вопросах, в решении которых автором накоплен определенный задел, тем более что других источников по теории географической экспертизы обнаружить не удалось. И все же, несмотря на отмеченные существенные ограничения, материалы книги, по нашему мнению, позволяют получить достаточные представления о возможных путях развития методологии географической экспертизы.

Отмеченная направленность работы делает ее полезной для специалистов (географов, экономистов, социологов, демографов), которым в своей практической деятельности приходится участвовать в экспертизах территориальной организации производительных сил, особенно по вновь осваиваемым районам.

В заключение считаю долгом отметить, что на формирование замысла предлагаемой работы большое влияние оказал член-кор. Н. Н. Баранский, который считал, что познание географической специфики во всех ее видах и проявлениях — одна из центральных проблем географии. При этом он имел в виду не только раскрытие географической специфики, но и проверку того, насколько ее важнейшие черты учитываются на практике [Баранский, 1956, 1969], а подобная проверка и составляет суть географической экспертизы.

ОПЫТ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПОНЯТИЙНОЙ БАЗЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА НА ОСНОВЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

В последние годы заметно возросло внимание географов к классификациям [Арманд, 1975; Миловидова, 1977; Харвей, 1974; и др.]. Результаты их исследований убеждают, что различного рода классификации должны найти в географии «эффективное применение на пути к более глубокому пониманию изучаемых явлений» [Харвей, 1974, с. 337]. Разделяя эту точку зрения, мы решили метод классификаций применить для определения типичных причин появления дефектов пространственной информации. Приступая к разработке подобной классификации (с позиции главным образом экономической географии), мы вполне отчетливо осознали, что «классификация — это сеть, которой можно поймать и в которую можно попасться» [Харвей, 1974, с. 337]. В нашем примере угроза данной опасности значительно возрастала из-за недостаточной надежности исходных материалов, в том числе их относительной малочисленности, поскольку исследование проводилось в поисковом плане одним человеком. К тому же следует добавить, что классификация понятий выдвигает ряд дополнительных трудностей в силу того, что они, по словам В. И. Ленина, «не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни» [Ленин, т. 29, с. 226—227]. В результате бывает трудно избежать «перекрестного деления», недопустимого при достаточно корректных классификациях.

Несмотря на отмеченные трудности, все же было решено разработку теории географической экспертизы начать со специальной классификации понятий, имея в виду, что классификация «облегчает процесс изучения предметов и явлений окружающего нас мира, дает возможность быстрее найти внутренние закономерности, которые определяют развитие и изменение исследуемых предметов и явлений» [Кондаков, 1976, с. 248]. Как известно, для того чтобы классификация выполняла свои задачи, прежде всего «необходимо в качестве основания для деления предметов брать наиболее существенные и важные в практическом отношении признаки» [Кондаков, 1976, с. 247, 248].

В нашем примере таким основанием является «сводный»

признак снижения качества пространственной информации из-за различного рода типичных дефектов в понятийной базе территориальной организации производства. Мы сознаем, что признак этот подчас трудноуловим и иногда при проведении классификации трактуется нами довольно вольно, но в практическом отношении он чрезвычайно важен, что и заставило нас остановиться на его выборе.

Исходные данные при разработке классификации черпались главным образом из литературных источников, на основе их дополнительной географической экспертизы, проводимой с использованием предложенных автором подходов. Такой прием, с нашей точки зрения, имеет ряд преимуществ, поскольку он направлен на улучшение пространственной информации, содержащейся в источниках многократного пользования (публикациях). К тому же результаты подобной экспертизы, ее обоснованность, могут быть легко проверены читателем, чего нельзя достигнуть при экспертизе проектов или каких-либо иных рукописных источников.

Исходя из того большого значения, которое придается классификации в настоящей работе, было решено получаемые при ее проведении материалы для дополнительной проверки предварительно публиковать [Космачев, 1974, 1977, 1979, 1980]. Отзывы на публикации подтверждают, что предлагаемые начинания в целом воспринимаются с удовлетворением. Это позволило продолжить работу в выбранном направлении. В итоге в первом приближении было выявлено десять групп причин снижения качества информационных ресурсов, связанных с употреблением понятий, недостаточно точно отражающих те или иные стороны объективной действительности конкретных территорий *.

Отличительной чертой *первой* из названных групп является использование при сравнениях понятий, не имеющих общепризнанных определений. Применение подобных понятий служит одной из наиболее распространенных причин снижения качества информационных ресурсов. Оно бывает особо заметным в тех случаях, когда такие понятия используются как своеобразные «эталоны» при различного рода сравнениях и противопоставлениях, особенно широко применяемых при подготовке исходной информации по вновь осваиваемым территориям. Желая более выпукло показать их отличительные черты, специалисты обычно проводят сравнения с ранее обжитыми территориями. Однако выбор последних не всегда должным образом обос-

* Некоторые авторы рекомендуют писать не «группы причин», а «типы причин», имея в виду, что термином «типизация» целесообразно обозначать систематизацию, построенную индуктивно и в которой отсутствует ясно выраженное основание деления» [Миловидова, 1977, с. 66].

повышается, что делает подобного рода сравнения, по существу, беспредметными.

Постараемся доказать это положение на примере работ тех авторов, которые при сравнениях пользуются понятием «средняя полоса».

Большая потребность в нем объясняется тем, что «в любой аналитической работе требуются показатели среднего уровня» [Статистика..., 1974, с. 135]. Не случайно статистики уделяют определению среднего уровня большое внимание. Географы же, экономисты и специалисты в области районной планировки, в исследованиях которых сравнительный метод также играет важную роль, обоснованности региональных средних часто не придают значения. Так, термином «средняя полоса», не приводя его дефиниций, они часто обозначают по существу не сопоставимые между собой пространства. Например, из текста коллективной монографии «Прогнозы расселения и планировки новых городов Крайнего Севера» (1974) следует, что термином «средняя полоса» ее авторы обозначают наиболее освоенную часть страны, протянувшуюся с запада на восток параллельно зоне Крайнего Севера. В подтверждение сошлемся на схему в названной монографии, отражающую один из рассматриваемых вариантов освоения Крайнего Севера [Прогнозы расселения..., 1974, с. 97]. Судя по схеме, между показанной на ней «средней полосой» и «главной полосой расселения», выделяемой В. В. Покшишевским, имеется определенная аналогия. Однако сам В. В. Покшишевский «средней полосой» называет один из участков «главной полосы расселения», а именно ее отрезок между Москвой и Омском [Покшишевский, 1974, 1978]. В свою очередь Б. С. Хорев рассматривает «главную полосу расселения» (и в ее пределах соответствующий «средний отрезок») [Хорев, 1975, с. 242, рис. 10] в иных границах, чем упомянутые ранее авторы. В других работах используются понятия «средняя полоса РСФСР» [Кулага, 1966, с. 38] или «средняя полоса СССР» [Бронская, 1969, с. 26]. В чем заключается сходство и различие между полосами союзного и республиканского значения, не ясно, но все же можно предполагать, что они пересекают с запада на восток территорию всей страны.

Из работы Ю. М. Догаева вытекает, что его «средняя полоса» расположена вне «зоны холодного климата», занимающей основную часть территории Сибири и Дальнего Востока [Догаев, 1969, с. 49, схема]. Следовательно, названный автор рассматривает «среднюю полосу» в иных границах по сравнению с ранее охарактеризованными.

Довольно часто в работах, освещающих проблемы размещения производства, встречается понятие «средняя полоса европейской части СССР». Правда, и здесь наблюдается значительный разноречивый в определениях границ, связанный главным образом с тем, что одни авторы [Герасимов, Минц, 1974] не вклю-

чают Урал в состав «средней полосы европейской части СССР», в то время как другие [Кибальчич, Любовный, 1976] включают.

Нам известен случай, когда при определении удорожания строительства в районах Красноярского Севера «в качестве средней полосы принят город Красноярск» [Проблемы расселения..., 1977, с. 93, табл. 18].

Естественно, что использование столь неопределенного понятия «средняя полоса» во всех рассмотренных выше случаях не дает точного представления об изучаемом объекте или явлении. Особенно недопустимо, когда показатели, характерные для «средней полосы», применяются в качестве масштаба для оценки развития конкретных объектов в пределах вновь осваиваемых территорий. В подтверждение приведем график (рис. 1) из работы «Прогнозы расселения и планировки новых городов Крайнего Севера» (1974, с. 62), при составлении которого для оценки развития ряда городов Крайнего Севера, объектов территориально четко очерченных, в качестве масштаба использовался соответствующий уровень городов «средней полосы». В результате неопределенности эталона график не позволяет получить должных представлений об особенностях развития городов Крайнего Севера. По этой же причине, по данным С. А. Хазанского и Г. П. Беловой (1972, с. 167), согласно которым «для выполнения одинаковых работ на Севере требуется примерно на 25 % тракторов больше, чем в средней полосе», не может быть определена потребность Севера в тракторах.

Авторы «Руководства по комплексной оценке и функциональному зонированию территорий в районной планировке» (1979) при определении демографической емкости территорий приводят среднее значение коэффициента (0,5), учитывающего необходимость организации зеленых зон городов применительно к «центральной полосе РСФСР», оговаривая, что «в других районах страны он может существенно изменяться» (с. 27). Этот совет нельзя принять, поскольку не ясно, какие территории входят в состав «центральной полосы РСФСР», а какие остаются за ее пределами, где данный коэффициент должен существенно измениться.

Другой пример. По данным А. Хайтуна, «обустройство одного человека в северных районах обходится в 21 тыс. руб. капитальных вложений, т. е. в 4—6 раз больше, чем в средней полосе России» [Хайтун, 1979, с. 54]. Следовательно, затраты на обустройство одного человека в пределах «средней полосы России» колеблются от 3,5 до 5,3 тыс. руб. Наличие таких различий создает дополнительные трудности при использовании понятия «средняя полоса России» при сравнениях.

В коллективной монографии «Трудовые ресурсы: формирование и использование» (1975, с. 35) в пределах СССР выделяется «средняя полоса расселения» (50—55° с. ш.). Иногда расчеты ведутся в разрезе «районов умеренной полосы — от 40° до

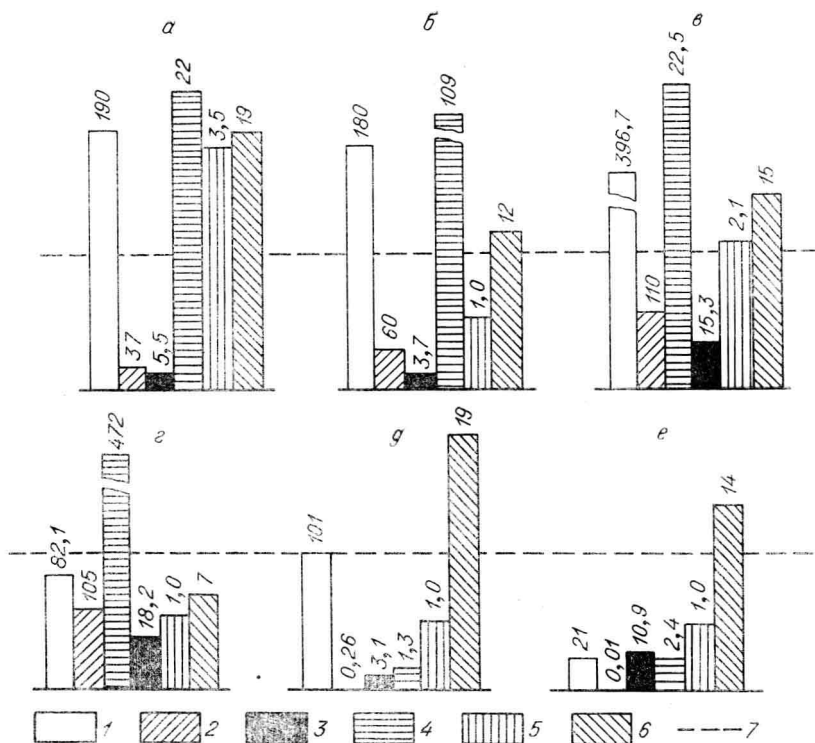

Рис. 1. Показатели существующих групп населенных мест в сопоставлении с критериями агломераций средней полосы (%).

а — Сыктывкар, б — Воркута, в — Мурманск, г — Кировск, д — Сургут, е — Березово; 1 — численность населения; 2 — плотность населения; 3 — плотность транспортной сети; 4 — внутригрупповая подвижность; 5 — максимальное удаление от города (по времени); 6 — количество населенных пунктов в группах; 7 — уровень средней полосы.

60° с. ш.» [Непорожний, 1979]. Однако и в этих, казалось бы, уточненных границах рассматривается очень пестрая территория, куда входят, с одной стороны, значительная часть Украины и Белоруссии, а с другой — горнотаяжные районы Забайкалья, Дальнего Востока и северная часть острова Сахалин. Крайняя неоднородность названной полосы исключает возможность ее использования как эталонной территории при сравнениях с более четко выделенными территориями*.

Иногда [Семкина, 1974; Шамраев, 1975] уровень развития тех или иных объектов энергетики, инфраструктуры в преде-

* Отметим, что еще в конце XVIII в. Европейскую Россию подразделяли на 3 полосы — северную (до 57° с. ш.), среднюю (50—57° с. ш.) и южную [Михайлов, 1971, с. 78]. В силу того, что условия европейской части по сравнению с территорией всего Советского Союза более однородны, по нашему мнению, опыт выделения названных полос в XVIII в. можно считать более обоснованным по сравнению с анализируемыми примерами.

лах конкретных территорий Севера (г. Норильска и Ямало-Ненецкого автономного округа) сравнивается с «условиями средних широт». При этом забывают, что в средних широтах ($23,5^{\circ}$ — $66,5^{\circ}$ с. ш.) в СССР находятся и Средняя Азия, и районы Северо-Востока (Якутской АССР и Магаданской области), условия которых по многим показателям резко различаются между собой. Так, один из авторов пишет, что в Якутии «пенсионеры имеют весьма ограниченные возможности приобретать необходимый им товарно-вещевой набор, в результате чего у них вызревает вполне естественное желание выезжать в среднеширотные районы» [Архинов, 1976, с. 46]. По мысли автора приведенной цитаты, «среднеширотные районы» располагаются за границами ЯАССР, в то время как даже столица республики — Якутск — расположена в *средних широтах*! Недопустимость подобных сравнений очевидна.

Судя по сообщению П. Хаггета, аналогичные трудности возникают при обобщении результатов исследований географов из-за разнобоя в дефинициях Средней Европы. Согласно приведенным им данным, «единственной частью Европейского

континента, которую ни один из 16 авторов не включил в свою Среднюю Европу, был Пиренейский полуостров. Зато территория, которую все авторы единодушно относят к Средней Европе, поразительно мала и включает только Австрию, Чехию и Моравию» [Хаггет, 1979, с. 52]. Разнобой в определении границ Средней Европы хорошо виден из карты, приведенной Хаггетом (рис. 2).

Подобных карт, к сожалению, мы составить не могли, поскольку большинство из известных нам авторов не дает определений понятия «средняя полоса», хотя, судя по публикациям, они обычно вкладывают в него разный смысл.

Весьма неопределенным является понятие «Средняя Сибирь», которое в перспективе в связи с бурным развитием производительных сил восточных районов по-

Рис. 2. Расхождения в названии крупных районов. Степень совпадения между 16 географическими определениями понятия «Центральная, или Средняя, Европа».

1 — территория «ядро» к Центральной Европе относится во всех 16 определениях (16/16); 2 — «периферия» — только в 10 из 16 (10/16); 3 — «наибольшая из включенных территорий» — в 1 (1/16); 4 — «невключенная территория» ни в одном из определений не отнесена к понятию «Центральная, или Средняя, Европа».

лучит, вероятно, широкое распространение. Например, В. В. Покшишевский пишет, что «эвенки, эвены, нанайцы и удэгейцы, живущие в Средней и Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, составляют тунгусо-маньчжурскую группу» [Покшишевский, 1971, с. 68]. Отсюда вытекает, что Средняя Сибирь не входит в состав Восточной Сибири. Между тем в другом источнике можно прочесть, что «исторически сложившееся название «Средняя Сибирь» применяется к огромной территории, простирающейся от берегов Енисея на западе до Лены на востоке» [Средняя Сибирь, 1964, с. 7]. Границы «Средней Сибири», по Н. И. Михайлову (1976), не совпадают с ранее названными (на востоке они заходят за р. Алдан). В отличие от названных авторов И. В. Никольский (1965) считает, что границы Средней Сибири совпадают с границами Красноярского края. Так же рассматривается территория Средней Сибири в книге «Система моделей территориальной организации районного производственного комплекса» (1979, с. 18).

Значительный разноречивый проявляется и в определении понятия «Срединный регион». Так, в сборнике «Влияние перераспределения стока рек бассейна Оби на природу тайги Срединного региона» (1975) «под Срединным регионом понимается территория от Уральских гор и Каспия на западе до Енисея на востоке и от Северного Ледовитого океана на севере до южных границ Советского Союза». На схеме, помещенной в статье «Перспективы орошения в Срединном регионе» (1978), названный район рассматривается в иных границах. Однако при решении других проблем как срединный «по отношению к западной и восточной частям хозяйственно освоенной полосы Советского Союза» анализируется Урало-Волжский регион [Кибальчич, Любовный, 1976]. Сравнение охарактеризованных выше подходов свидетельствует, что при решении той или иной проблемы может быть выделен свой, отличный от других «срединный регион». Их несравнимость (при общем названии) может служить одной из причин снижения качества результатов исследований.

Иногда при сравнениях используются в качестве эталонов территории с так называемыми «нормальными условиями». В одном из разделов коллективной монографии «Развитие народного хозяйства Сибири» (1978) сказано, что «фондоемкость комплекса строительного производства в Сибири должна быть существенно выше, чем в *нормальных климатических условиях*» (с. 257, 258, курсив наш. — К. К.). Из данного утверждения вытекает, что в пределах Сибири нет территорий с «нормальными климатическими условиями». А если это так (с чем, правда, согласиться нельзя), то возникает вполне закономерный вопрос, где у нас в стране расположены территории с такими условиями? С чем сравнить Сибирь при определении «фондоемкости комплекса строительного производства»?

В целом приведенные примеры убеждают, что разноречив в

дефинициях обычно усугубляется их значительной неопределенностью, что усиливает возможность появления дефектов при подготовке исходной информации, особенно при использовании сравнительного метода.

Во вторую группу нами объединены погрешности, связанные с использованием инорайонных понятий, т. е. понятий, которые сформировались в результате обобщения опыта, накопленного в одной части страны, а применяются без должных уточнений в другой, резко отличающейся от первой всем комплексом природных и экономических условий.

Обнаружив такое понятие, эксперт должен прежде всего оценить, насколько велики различия между районами его «выхода» и «входа», помня, что в целом чем они значительней, тем больше вероятность возникновения погрешностей при использовании данного понятия.

Проведение подобного типа сравнений во многом облегчается, если эксперт владеет методом выделения районов-аналогов, охарактеризованном в ряде работ [см., например, Ракитников, 1975]. Дело в том, что сходные проблемы территориальной организации производства в районах-аналогов могут разрабатываться на основе общей понятийной базы, в то время как определения понятий, отражающих ход хозяйственного освоения территорий с контрастными условиями, должны существенно образом различаться между собой. На практике на это положение часто не обращают должного внимания, что приводит к далеко идущим ошибкам в информационной подготовке соответствующих решений.

Возьмем, к примеру, понятие «отгонное животноводство». Ареал его рационального применения в отличие от других понятий, довольно точно указан в самом определении, а именно: «отгонное животноводство — система ведения общественного животноводства в колхозах и совхозах полупустынных и пустынных, а также некоторых степных и горных районов СССР» [БСЭ, т. 31]. Для названной системы характерна особая служба водоснабжения, заготовка страховых фондов кормов, организация скотопрогонов. В районах отгонного животноводства обычно имеются благоприятные условия для объединения экстенсивных отраслей животноводства с интенсивными отраслями поливного земледелия, что служит одной из важных предпосылок развития в их пределах наряду с мелкими поселениями крупных сельских населенных пунктов. Подобного сочетания факторов (природных и экономических) в районах с иной специализацией сельского хозяйства нет, что практически исключает возможность распространения производственного опыта, накопленного в районах отгонного животноводства, за их границами. Более того, даже в пределах зоны отгонного животноводства различия между отдельными районами настолько велики, что, по наблюдениям специалистов, интродукция опыта